

«ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ»

Случилось, что выпускники таджикских групп московских и ташкентских театральных институтов и училищ, приехавшие на работу в академический драмтеатр имени Лахути, вот уже в течение нескольких лет буквально «торчат» в массовках. По несколько раз за вечер приходится многим из них переодеваться, перегримировываться, чтобы не быть узнаваемыми зрителем. Такое «перевоплощение» довольно унизительно. Особенно для тех, которые, будучи студентами, уже показались душанбинским зрителям в основных ролях в спектаклях «Бедность — не порок», «Король-олень».

Но теперь, когда те же молодые артисты пришли в коллектив театра, руководители его относятся к их возможностям с каким-то странным и обидным недоверием. Сколько раз на собраниях и репетициях молодежь просила режиссера, старших товарищей дать им, наконец, возможность выйти в небольших ролях или хотя бы дублировать основной состав. Безрезультатно.

Вот что говорят сами артисты.

Турахон Ахмадханов

— выпускник Московского ГИТИСа 1960 г.

— Я уже стал сухим, деревянным. Выйду на сцену и не знаю, куда руки деть, как слова произносить. Больно, что всем нам так не повезло. А начнешь говорить в театре — крикуном, дебоширом называют.

Фатима Гулямова — выпускница Московского ГИТИСа 1960 г.

— Мне казалось, приеду в театр, старшие, как лучшие друзья, во всем будут помогать; на сцене буду продолжать учебу, а получилось как-то... очень плохо.

А в институте я Джульетту играла...

Майрам Исаева — выпускница Московского ГИТИСа 1960 г.

— На институтской площадке мы во многих спектаклях играли. Педагоги хвалили. Ставили пятерки, четверки. А теперь нам говорят, это не главное. Институт есть институт, а сцена — есть сцена. Здесь нужен богатый сценический опыт. А откуда ему быть у молодых, только-только получивших диплом? И если нам играть по существу не дают, когда же опыт появится?

А это мнение **Туфы**

Фазыловой — народной артистки СССР.

— Мы должны бы гордиться, что театр пополнил такое пополнение. Я уверена, нигде в Средней Азии нет такого количества молодых, талантливых артистов с высшим образованием. У всех наших девочек и ребят — обаятельная, очень выразительная сценическая внешность, а главное, есть все возможности для того, чтобы создавать яркие, запоминающиеся образы, обогащать репертуар. У нас же вокруг них создавалась такая атмосфера, что ни о какой творческой работе не может быть и речи. К молодым относятся как к соперникам, а не как к товарищам по искусству.

Меня поразили слова нашего директора тов. Рахматуллаева о том, что ради интересов театра можно жертвовать молодыми. А кто заменит нас, когда мы уйдем из театра? Ведь не вечно же нам быть молодыми. По-моему, как раз наоборот, ради интересов театра надо всячески поощрять молодежь, помогать ей, заинтересовывать.

Как случилось, что между артистами старшего и младшего поколений

в театре имени Лахути с первых же дней сложились такие, прямо скажем, нездоровые отношения? В чем причина?

— Они без должного уважения относятся к нам. Дескать, мы образованные, а вы нет, — заявляют старшие. — А мы без образования, самоучками ставили спектакли, самые разнообразные роли играли, званья получили.

— Когда начинаешь спорить, доказывать что-то, говорят — не уважаєте. Но часто бывает, по старинке работаем, не следим за нововведениями, не считаемся с изменившимися вкусами зрителей, с возросшей требовательностью к нам, артистам. Скажешь об этом — и пожалуйста, уже обиды начинаются, не уважаем, значит. А как закрыть глаза на то, что театр наш почти все время пустует, зрители не ходят к нам сразу же после премьеры? Мы растеряли своего зрителя. Потому что в репертуаре одни и те же 3—4 спектакля крутятся из года в год. — протестуют молодые.

Не согласиться с их доводами трудно. Ведь театры-то существуют для зрителей. И ради зрителей должна вестись повседневная творческая работа — над новыми спектаклями, над новыми ролями. Без этой работы театр не может существовать.

Никто не собирается спорить с тем, что наши артисты старшего поколения — талантливы. Они очень многое сделали для развития Таджикского драматического искусства, заложили его фундамент; многие из них уже не один десяток лет работают в театре им. Лахути, многие и сейчас — любимцы публики.

Почему же сейчас, ког-

да столько талантливой молодежи пришло в театр, он топчется на месте, совершенно не обновляет репертуар? Почему, наконец, молодежь уходит из театра. Может быть, когда-то все они избрали неверный путь, профессию не ту выбрали? Может быть, ошиблись?

Нет. Ушедшие из театра стараются все же найти работу творческую, близкую своей профессии. Значит, чувствуют — без искусства им очень трудно.

Когда-то педагоги, отдавшие своим питомцам многие часы никем не учитываемого, «внепланового» времени, верили, что они станут большими актерами, настоящими художниками. В Борон Санмамадовой, Фотиме Гулямовой, Майрам Исаевой они видели Дездемону, Джульетту, героинь современных пьес; Салим Зикриев радовал их своим комедийным дарованием; Р. Рахимов, К. Гарибшоев, Н. Нойбов, Н. Шомансурова, Н. Хасанов, Т. Ахмадханов... Все они считались очень способными студентами. А в театре имени Лахути не смогли найти применение своим силам. Сейчас Санмамадова, Рахимов, Гарибшоев, Зикриев уволены «за неспособность». И после пятилетней учебы в Московском театральном училище им. Щепкина Салиму Зикриеву пришлось работать... поваром.

Из 45 молодых артистов в театре осталось 17. Добрая половина из них тоже уже подала заявления об уходе. «Уволен по собственному желанию». А чем обусловлено «собственное желание»? Над этим стоило бы серьезно задуматься.

Мы ответственные за талант. Талант — достояние народное, и никто не имеет права им так бездумно разбрасываться.

Р. МАХМУДОВА.